ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

—

I.

Переѣздъ чрезъ Сибирскій камень (Уральскій Хребетъ).

Занимаясь осмотромъ лѣсовъ въ пользу флота, я очень часто, чтобы не дѣлать большой околицы, переѣзжая изъ губерніи въ губернію, или изъ уѣзда въ уѣздъ, вмѣсто почтовыхъ трактовъ, избиралъ пути побочные. Такъ точно въ 184. году, проѣзжая изъ Березовскаго уѣзда Тобольской губерніи, въ Мезенскій, губерніи Архангельской, рѣшился переѣхать чрезъ Уральскій Хребетъ тѣмъ самымъ путемъ, которымъ проѣзжаютъ туземцы, возвращаясь въ Большеземельскую тундру, или послѣ мѣны съ Обдорскими Остяками, или послѣ коммерческихъ сдѣлокъ въ городѣ Березовѣ. Здѣшними туземцами я называю Мезенскихъ Самоѣдовъ и Ижемцовъ. Ижемцы—государственные крестьяне, Мезенскаго уѣзда Архангельской губерніи, живутъ по рѣкѣ Ижмѣ, составляющей лѣвый притокъ Печоры. Ижма, начиная отъ своего истока вплоть до устья, заселена Зырянами, которыхъ въ отличіе отъ другихъ Зырянъ, называютъ Ижемскими Зырянами. Подъ названіемъ же Ижемецъ, между Архангело-городцами, Вологжанами, Чердынцами и Галичанами слывутъ лишь тѣ изъ Ижемскихъ Зырянъ, которые занимаютъ средину рѣки Ижмы въ Мезенскомъ уѣздѣ, и, кромѣ хлѣбопашества, держатъ оленьи стада, имѣютъ замшевые заводы и ведутъ значительный торгъ, какъ по окрестнымъ ярмаркамъ, такъ и на Нижегородской. На окрестныя ярмарки, которыя бываютъ зимою, они пріѣзжаютъ сами и перевозятъ товары—на оленяхъ, а на Нижегородскую,

извѣстную у нихъ и до сихъ поръ подъ названіемъ Макарія, попадаютъ своимъ собственнымъ путемъ, который въ настоящее время мало кому извѣстенъ; путь этотъ проложенъ на Печору въ глубокой древности сборщиками дани отъ великаго Новгорода. Ключемъ этому пути служитъ рѣка Ухта (*), впадающая въ рѣку Ижму съ лѣвой стороны, въ 10 верстахъ отъ Усть-Сысольской границы. Этою рѣкою, Ижемцы, проплывая къ Макарью или къ Соловецкимъ чудотворцамъ, поднимаются вверхъ до 30 чомкосовъ (**), или 120 верстъ, до такъ называемаго Шильничьяго камня. Далѣе слѣдуютъ чрезъ боровой переволокъ въ 5 верстъ, и съ него попадаютъ, перетаскивая лодки, на сорную рѣчку.... носящую, уже чрезъ-чуръ характеристическое названіе. Этою рѣчкою выплываютъ въ рѣку Шомъ-Укву, а по ней въ Ембу, по которой слѣдуютъ до рѣки Вымъ и Вымомъ уже идутъ до Вычегды, съ которой входятъ въ Сѣверную Двину.

Путь этотъ однажды былъ испробованъ для доставки корабельныхъ лѣсовъ къ Архангельскому порту (***), но брошенъ, а съ нимъ брошены на гніеніе и на изводъ лиственныя деревья, богатѣйшихъ качествъ, покрывающія берега рѣкъ, впадающихъ въ Ижму. Это произошло единственно отъ того, что туземцы какъ не лѣсопромышленники, не рѣшались откупать лѣсъ, предназначаемый къ вырубкѣ, жертвовали имъ добровольно, указывая даже самыя мѣста болѣе обильныя корабельными деревьями, что испыталъ я и самъ, назначая корабельныя рощи, а это тогдашнимъ заготовщикамъ было не понутру: имъ были болѣе нужны не достоинства деревъ, а цѣнный торгъ за каждое дерево, и они, опороча лѣсныя да-

(*) Рѣка Ухта очень быстра, полноводна, и правый берегъ ея, начиная отъ устья на 40 верстъ, обиленъ нефтянными ключами, а полотно покрыто особеннаго рода плитнякомъ, въ видѣ аспида, называемымъ мѣстно *Домакитомъ*.

(**) Ижемцы вообще, а Ижемскіе Зыряне, большею частію, считаютъ разстояніе отъ мѣста до мѣста по Тайболамъ, пустымъ и дикимъ дорогамъ, чомкосами, полагая его иногда въ 4 и никакъ не болѣе 5 верстъ. Названіе же «чомкосъ» произошло отъ слова чомка,—промышленная избушка, которую обыкновенно ставятъ по берегамъ лѣсныхъ рѣкъ и почти постоянно въ разстояніи мѣры чомкоса, т. е. 4 и 5 верстъ.

(***) Гидр. Опис. Сѣв. бер. Россіи. *М. Ф. Рейнеке*. Часть I.

чи Ижемскія и Печорскія, не затруднились показать не помѣрными цѣны на выплавъ лѣсовъ до Сѣверной Двины и кинулись вырубать деревья въ давно-знакомыхъ мѣстахъ, гдѣ дачи окружены лѣсопромышленниками и откуда не далека Ношульская пристань—Колхида для бывшихъ коммисіонеровъ заготовщиковъ и форшмейстеровъ.

Проѣздъ мой чрезъ Уралъ, или Сибирскій камень, былъ въ половинѣ Ноября. Зима лишь только начинала устанавливаться. Снѣгъ бѣлымъ саваномъ накрывалъ Обдорскую Тундру. Пурги, сопутницы начала и исхода здѣшнихъ зимъ, свирѣпствовали во всей силѣ и заносили все, нещадя даже и мелкій лѣсокъ, который окутавшись снѣжнымъ покровомъ, представлялся путнику рядомъ кургановъ и холмовъ, какими Обдорская тундра вплоть до подошвы Урала, очень не обильна. Беззаботный сонъ тяжело налегалъ на здѣшнія окрестности, и онѣ пробуждались отъ него только тогда, когда вѣтеръ, вытѣсняемый уральскими ущельями, соскучившимися слушать его завыванья, начиналъ по необходимости разносить по тундрѣ свои оглушительныя пѣсни. Порою голодный волкъ, осерчавъ на шумъ вѣтра, разгонявшаго оленей и лосей—его добычу, изливалъ свой гнѣвъ пронзительнымъ воемъ, вторимымъ съ усердіемъ пустырями. Или раздавалось: *Кысь! Кысь!*—повторяемое Самоѣдами учащенно, какимъ то задичалымъ голосомъ, при понужденіи оленей идущихъ оргишемъ (*), и пробуждало путниковъ, которые въ надеждѣ на знаніе пути оленями, имѣютъ постоянную привычку спать, закутавшись совикомъ (**) сверхъ малицы, до тѣхъ поръ, пока олени не остановятся на маломъ или большомъ самоѣд-

(*) При переѣздахъ на большое разстояніе, Самоѣды, и вообще всѣ оленовозщики, для безопасности, ѣздятъ обыкновенно вмѣстѣ и когда наберется до восьми саней, то поѣздъ называютъ оргишь.

(**) Совикъ—мѣшокъ въ родѣ рубахи, сшитый изъ двойной оленины, надѣваемый на малицу и закрывающій голову и руки. Малица тоже нѣчто въ родѣ рубахи, надѣвается Самоѣдами прямо на тѣло, но шьется изъ одного ряда оленины, обращенной шерстью внизъ. Съ малицею Самоѣды, и вообще жители Печоры и Мезени, близкихъ къ тундрамъ, неразлучаются и лѣтомъ.

скомъ духѣ (*), или сани съ ѣздокомъ не опрокинутся въ какую либо пропасть. Меня везъ Ижемецъ, съ которымъ былъ свой чумъ, въ которомъ я отдыхалъ. Люди мои въ это время приготовляли пищу. Проѣхавъ отъ Березова до тропы, которою должно было проѣзжать Уральскія горы, я почти свыкся и съ утомительною ѣздою и съ кочевою жизнію. Передъ самымъ Ураломъ, мой хозяинъ далъ отдыхъ оленямъ, а самъ съ работникомъ, пошелъ на лыжахъ поискать ту тропу, которою поднимался въ горы прошлый годъ. Тропа эта лежала на ближнемъ пути, и гораздо ниже пролома, находящагося въ Каменномъ хребтѣ Уральскихъ горъ за рѣкою Карою, по которому ѣздятъ въ Сибирь Самоѣды и Пустозерцы. Со мною остался хозяйскій сынъ, Ижемецъ довольно по обтертый дорогами, очень хорошо говорящій по русски и обойчалый по ярмаркамъ, словомъ сказать—Зырянинъ XIX столѣтія.

Желая узнать что нибудь о предстоявшей переправѣ чрезъ Уралъ, я спросилъ у своего спутника каково подниматься въ горы тою тропою, которую избираетъ хозяинъ и ладно ли будетъ спускаться съ нихъ въ Большеземельскую тундру. Ижемецъ отвѣчалъ: — Трудно, трудно, покажется, когда первый разъ, теперь же сада (пурга, вьюга), олень не бойко попадетъ па тропу, щельи завалило снѣгомъ, наши сани не шибко пойдутъ, а твоя повозка и пуще того, особо какъ разыграется вѣтеръ, да начнетъ бить по болоку (**). Ну да отецъ дождется ночи, тогда непогодь меньше дичаетъ, она замолкнетъ въ горахъ, да и всполохи (Сѣверное Сіяніе) заиграютъ на небѣ, свѣтлѣе будетъ ѣхать. Главное сидите въ повозкѣ и невыглядывайте изъ болока, въ особенности на мусюрѣ (хребтѣ) не то затолшнится (затошнится). Да и служащимъ дайте наказъ, не больно вопить (кричать), а то олень спу-

(*) Олени вообще при шибкомъ бѣгѣ останавливаются пріотдохнуть, пробѣжавъ иногда 10, а иногда 20 верстъ, смотря по своей тучности, чтобы перевести духъ; остановки эти оленоводами называются самоѣдскимъ духомъ; изъ нихъ большимъ именуется остановка послѣ 20 верстъ, а малымъ послѣ 10

(**) Верхъ у повозки, кибитка.

жается, покинетъ тропу и не учуемъ, какъ повозку завалитъ въ оврагъ; случаются такіе разы и съ нашими ижемцами и съ самоѣдью.

Время шло въ разговорахъ. Вечеръ приближался. Незамѣтно зажглись и звѣзды на просторномъ небѣ; стала показываться и луна, осеребряя тундру; громадными черными пятнами застлались по тундрѣ тѣни отъ горъ, и потянулись длинною цѣпью, вырисовывая остроконечныя вершины Урала.

Но вотъ сталъ замирать вѣтеръ въ ущельяхъ, пурга успокоиваться и вдали послышался лаій собакъ.

—Наши идутъ, заговорилъ ижемецъ, чую собакъ своихъ, останьтесь сударь въ чумѣ, а я на легкихъ саняхъ окружу (объѣду) стадо, не разбѣжался бъ олень, да не напалъ бы на него волкъ, здѣсь волковъ по многу живетъ, а пустырь; да и оргиши ушли уже.

Вотъ возвратился и хозяинъ и объяснилъ, что тропу, которою проѣзжалъ онъ прошлый годъ,—попризамѣтилъ, что ею въ камнѣ (въ горахъ) ѣхать не много, и хотя высокъ тутъ хребетъ, за то спустимся близко къ половинщицѣ (*).

—А тутъ, добавилъ хозяинъ, олени изъ большой трунды (**) ждутъ твою милость и въ нѣсколько духовъ дотащатъ до Колвинскаго погоста (***); а тамъ смѣкай куда самъ знаешь, аль куда загадало послать тебя твое начальство.

Далѣе предлагалъ мнѣ хозяинъ залечь спать, а какъ покажутся всполохи, обѣщался разбудить, говоря, что тогда поѣдемъ въ горахъ точно какъ по улицѣ большаго города, что всполохи станутъ освѣщать путь не хуже фонарей.

Наконецъ пришло время ѣхать, сняли чумъ, собрали оленей, запрягли ихъ въ сани и мы тронулись въ горы. Впереди меня на легкихъ саняхъ ѣхалъ самъ возчикъ. Къ санямъ его были привязаны на тылзеяхъ (арканахъ) собаченки, по-

(*) Половинщицею здѣсь называютъ рѣку Усу, впавшую въ Печору съ правой руки на половинномъ ея теченіи Мезенскимъ уѣздомъ.

(**) Большеземельская тундра. Не только Самоѣды и Ижемцы, а Печоряне и Мезенцы говорятъ вмѣсто тундра—трунда.

(***) Церковь Большеземельскихъ самоѣдовъ; она стоитъ при рѣкѣ Колвѣ впадающей въ р. Усу,—и при ней самоѣдское селеніе.

зади которыхъ бѣжало полстада оленей, а тутъ и моя повозка. Съ боковъ ея шли на лыжахъ двое работниковъ, а за нею остальная часть оленьяго стада. Хозяйскій сынъ, также въ легкихъ сапяхъ, замыкалъ нашъ караванъ. Бѣгъ оленей былъ средній, иногда же переходилъ въ шагъ. Я отстегнулъ фартуки повозки. Въ это время въѣзжали мы въ самую средину ущелья. Лунный свѣтъ и блескъ сѣвернаго сіянія показывались лишь въ небольшую расщелину, оставленную между двухъ утесовъ, готовыхъ своими верхами сростись другъ съ другомъ. Дорога же была до того тѣсна, что мнѣ представлялось, что если качнетъ повозку въ сторону, то она придавитъ къ горамъ провожальщиковъ, одною рукою поддерживавшихъ ее, а другою опиравшихся въ утесы. Но олени шли правильно и повозка не сдавалась ни въ ту, ни въ другую сторону.

Сѣверное зимнее солнце во всемъ блескѣ встрѣтило насъ уже за Уральскимъ хребтомъ. Это было около 11 часовъ утра.

Переѣхавъ Уралъ, снова отдохнули, и я не замѣтилъ какъ на другіе сутки доѣхалъ до рѣки Усы, гдѣ дѣйствительно ожидало меня новое стадо оленей, выставленное изъ Большеземельской тундры, гдѣ стояли три чума.

II.

Сутки въ Большеземельской тундрѣ.

(Разсказъ караульщика про вывозку корабельныхъ лѣсовъ на оленяхъ).

Расчитавшись прогонами со старыми ямщиками, я взошелъ въ изготовленный для меня чумъ. Хотя онъ былъ и довольно просторенъ, но воздухъ въ немъ былъ такъ жарокъ и пропитанъ особеннымъ самоѣдскимъ запахомъ, что сначала не было почти возможности выносить эту атмосферу. Я велѣлъ отдернуть съ линукуя (передняя часть чума) дверную оленину, снялъ съ себя дорожное платье и когда немного по

свыкся съ чумнымъ воздухомъ, началъ знакомиться съ хозяевами. У плитки съ разложеннымъ огнемъ, постоянною принадлежностію каждаго чума, во всякое время года, сидѣлъ самоѣдъ, безъ малицы и безъ всего.

Противъ него сидѣла самоѣдка, чинившая яндицу (*). Оба молчали, уперши свои безжизненные глаза на пылающій огонь. Глядѣть на огонь общая привычка всѣхъ самоѣдовъ, въ домашнемъ быту. Чѣмъ бываетъ тогда занята ихъ голова угадать трудно; но только должно сказать, что самоѣды, какъ медвѣди до страсти любятъ любоваться огнемъ, и ни жаръ, ни дымъ не отучаютъ ихъ отъ этой привычки, развивающей между ними глазную боль. Самоѣды, какъ замѣчалъ я, проживъ съ ними безъ малаго два года, любятъ свои промыслы, сносятъ безъ всякаго ропота сопровождающіе ихъ труды и опасности, способны придумывать презатѣйливые планы и снаряды для бо̀льшей удачи промысла, одарены удивительною памятью; но за то обдумать что нибудь не входящее въ сферу ихъ занятій лѣнивы и вовсе неохочи. Когда же соберутся, то разговоры ведутъ только о промыслѣ или путяхъ вновь открытыхъ, или про новозамѣченную звѣзду, могущую руководить въ пустыряхъ и тундрахъ. Про житье же, или какіе либо случаи своихъ соторговцевъ, хоть напримѣръ Ижемцевъ и Пустозерцевъ, отъ Самоѣда услышишь очень рѣдко. Съ женами своими и самыми близкими лицами, Самоѣды, если не встрѣчается особенной надобности, не говорятъ ни слова по цѣлымъ днямъ.

Пока я знакомился съ владѣтелями чума, пришелъ самоѣдскій староста, наряженный провожать меня по Большеземельской тундрѣ. Онъ пренизко поклонился, нагнулся прежде къ огню, потомъ отеревъ рукавомъ малицы испачканное въ оленьей крови лице, обратился ко мнѣ, сказавъ:

—Баринъ, нельяли просить твоя милость сутки два ждать, не ѣхать, вишь у меня и олень приусталъ, да и братъ крѣпко серчаетъ, боленъ вишь—хотимъ бить самбодову (**)—пошли за

(*) Женское верхнее платье, тоже малица.

(**) Самбодова—кудесничество или колдовство.

Тадибеемъ (*). Сдѣлай милость, повторялъ староста, учащенно кланяясь до земли,—терпи маленько, олени вздохнутъ,—скоро станутъ бѣжать, до Колвы всего двадесятъ оленьихъ большихъ духовъ.

Я согласился. Староста пошептался съ хозяиномъ и вышелъ изъ чума, а хозяинъ всталъ, надѣлъ малицу и подойдя къ Синукую (**), выдвинулъ изъ него какіе то сани. Сани эти были на семи копыльяхъ. Мимоходомъ замѣчу, что число семь, въ религіи Самоѣдовъ язычниковъ, завѣтное. На саняхъ лежала олепина, концы которой виднѣлись изъ подъ одѣяла изъ бѣлаго медвѣдя, крытаго зеленымъ сукномъ. Самоѣдъ вытащивъ сани на средину чума, поднялъ одѣяло и досталъ изъ подъ него два каменныхъ истуканчика. Изъ нихъ одинъ былъ одѣтъ въ малицу, изъ сѣраго сукна съ красными пандами (обшивка по подолу), а другой тоже въ малицѣ, но изъ свѣтлозеленаго сукна съ желтою оторочкою. Самоѣдъ взялъ одного изъ истукановъ, поставилъ его на полку въ Синукуй, а сани съ другимъ поставилъ на свое мѣсто. Мнѣ страшно хотѣлось спать, въ чумѣ же, какъ я и прежде замѣчалъ, было нестерпимо жарко, и я по обыкновенію принятому мною при каждомъ ночлегѣ въ чумѣ, легъ въ своей повозкѣ, которую предварительную велѣлъ отвезти къ оленьему стаду. Этимъ выигралъ вдвойнѣ: избавился отъ головной боли и вмѣстѣ съ тѣмъ могъ наблюдать за Самоѣдами.

Только что тундра начала одѣваться ночнымъ мракомъ, Самоѣды разбрелись по чумамъ и у оленьяго стада остался лишь одинъ караульщикъ. Караульщикъ былъ изъ крещеныхъ Самоѣдовъ, выросшій на рѣкѣ Мезени и совершенно обрусѣлый. На немъ въ защиту отъ мороза, кромѣ малицы, былъ надѣтъ совикъ. Пара оленей запряженныхъ въ легковые сани, безъ устали возили его вокругъ стада. Самъ же онъ въ это вре-

(*) Тадибеи—жрецы, кудесники.

(**) Мѣсто внутри чума противъ дверей, гдѣ хранятся истуканы и кладутся съѣстные припасы. Оно считается у Самоѣдовъ святымъ; но крещеные образовъ въ Синукуй не ставятъ, говоря что для образа и кромѣ Синукуя всякое мѣсто свято.

мя, безъ умолка стучалъ какими то палками и оглушалъ тундру непріятнымъ трескомъ трещетки. Почти рядомъ съ моею повозкою стояли тоже сани, но не запряженныя, и на нихъ на оленинѣ былъ поставленъ Хегъ (истуканъ), вынутый хозяиномъ изъ Синукуя. Когда работникъ поравнялся съ моею повозкою, я остановилъ его и спросилъ какія сани стоятъ рядомъ со мною.

—Изволите видѣть, сказалъ работникъ, по тѣ ночи, еще до пріѣзда вашей милости, волкъ близко подходилъ къ стаду, и не смотря на весь нашъ надсмотръ, зарѣзалъ (задавилъ) двухъ оленей. Вотъ теперь наши хозяева и рѣшили, чтобы на эту ночь поставить на саняхъ Хега, божка, истуканчика, и думаютъ, что подъ его защитой, звѣрь нетронетъ оленей.

— На утро же, коли стадо ущѣлѣетъ, Хега обрядятъ въ новую лопатину (одежду), снесутъ въ чумъ и намажутъ оленьею кровью, а какъ на завтра не дочтутъ въ стадѣ скотинки, и Хегу горюшко, его настегаютъ имметыссые (оленьи возжи), да и бросятъ далеко за чумъ. Весной же поищутъ другаго, не то на Болванскомъ носу, а не то на Хего-о,—святой землѣ, запросто—на островѣ Вайгачѣ, а то, если промыселъ не затянетъ туда ватагу, сыщутъ на берегу океана продолговатый камешекъ, или обрубокъ дерева,—тоже хегомъ посадятъ; но тѣмъ вѣру не съ разу дадутъ, а покланяются Тадибею, чтобы сдѣлалъ его божкомъ. Тотъ же покривляется, поломается, да какъ поладитъ съ хозяевами на лакомомъ кусѣ, —и пуститъ тумана: зареветъ не хуже медвѣдя — будто бы станетъ упрашивать Тадебціевъ, (*) чтобы дозволили чурбанъ, или камешекъ сдѣлать Хегомъ. Не случись же Тадибея, а хозяину чума нуженъ домашній Хегъ, возьмутъ пытать истукана, или у песцовыхъ ловушекъ, или у рыбныхъ неводовъ, и если промыселъ пойдетъ на ладъ, истуканъ попадаетъ въ честь и въ чумѣ, считается за Хега.

(*) Тадебціи—духи. Они сотворены Нумомъ, главнымъ богомъ, но не всѣ ему покоряются; нѣкоторые духи дѣлаютъ много зла и всѣ они раздѣляются на бѣлыхъ, зеленыхъ и черныхъ. Тадибеи со всѣми мольбами и просьбами къ Нуму обращаются черезъ Тадебціевъ.

— Однако, тише, сударь, слышите—по тундрѣ разносится собачій лай, а мои собаченки всѣ при мнѣ.. Это волки изволятъ хитрить — прикидываются собаками, чтобы на лай ихъ олени бѣжали дальше отъ чума.

Дѣйствительно по тундрѣ раздавался какой-то странный лай, но никого не было видно. Караульщикъ потихоньку поправилъ стадныхъ собаченокъ, тѣ съ визгомъ залаяли, и олени, признавъ голоса своихъ собакъ, сбѣгались въ кружокъ, становясь головами вмѣстѣ.

— Надо наладить винтовку, продолжалъ караульщикъ,—да забраться въ средину стада, волки не утерпятъ, хоть ужъ съ разными бабушками (*), да подойдутъ поближе.

— Выдумчивы окаянные, продолжалъ мой разскащикъ, — ежели не обманутъ оленей лаемъ или нахрапомъ не удастся украсть ни одного, то возьмутъ — полягутъ около рогатыхъ кустовъ, чтобы олень принялъ въ темную ночь кустъ за рога, а ихъ за своихъ сотоварищей, да и подошелъ бы поближе. А если и это неудается,—улягутся рядомъ по два, оборотясь къ стаду задомъ, и начнутъ хвосты поднимать къ верху и вилять, вотъ дискать, олень глупъ, приметъ хвосты наши за рога. Хоть хитрость эта и чисто волчьяго ума, а другой разъ удается, когда стадо молодое, да и работникъ неопытенъ.

Затѣмъ разскащикъ мой принялся перечислять мнѣ всѣ свои ночныя похожденія съ волками, а какъ ночи впереди еще было довольно, и мнѣ не спалось, то разговоръ, переходя отъ предмета къ предмету, перешелъ наконецъ на вывозку корабельныхъ деревъ на оленяхъ, о чемъ я уже слышалъ въ городѣ Чердынѣ, отъ тамошнихъ купцовъ и отъ самихъ Чердаковъ (**). Разскащикъ мой самъ участвовалъ въ подобной перевозкѣ, что крайне меня обрадовало, и я поспѣшилъ распросить его о всемъ, что было знакомо ему по этой части.

— Зимъ десять назадъ, началъ работникъ, было больно голодно въ трундѣ; олень выпалъ отъ подкопытной, промыслы

(*) Слово бабушка означаетъ игрушку, иногда шутку, а также и хитрость, обманъ.

(**) Такъ по рѣкамъ Камѣ и Чусовой называютъ чердынскихъ мужиковъ.

шли худо, народъ разбрелся по разнымъ дѣламъ. Самоѣдь (*) созвали купаться съ Веніаминомъ, по русски—креститься, а Ижемцы сами ушли на судъ за тайболу, за новую дорогу. И я думалъ, да думалъ куда идти вздохнуть отъ нужды — и пошелъ далеко внизъ по Печорѣ. Печорою дошелъ до Пижемскихъ скитовъ (**), и нанялся робить. Робилъ по-дивну—и какъ зашибъ деньгу на порохъ и свинецъ, по совѣту тамошнихъ набожницъ (***) поплылъ съ почтою на рѣку Мезенскую Пижму. А съ эвтаго мѣста, что вверхъ по рѣкѣ Мезени до Зырянъ, то и внизъ до самой слободы (города Мезени), сталъ жить народъ расканалья. Каналья не тѣмъ чтобы плутостію, а тѣмъ что ужъ больно башковатъ—и на всѣ руки гожъ. Да какъ же и негожъ: — занедолго до той поры, какъ выйдти мнѣ на Мезень, Мезенецъ незналъ другаго оленя, кромѣ дикаря, а въ ту пору ужъ и стада олешковъ позавелись. Хоть и недобромъ и не задобро достались Мезенцамъ олени — отъ нашихъ самоѣдей, да къ дѣлу пришлись—и дѣлу то не худому, мезень забогатѣла и заширилась на всякія дѣла.

— Я даве затолковалъ твоей милости, что на Мезень вышелъ съ того, что въ тундрѣ жить было не уча, что самоѣдь угнали креститься, а Ижемцевъ—на судъ за тайбольскую дорогу. Вотъ, знаешь, ихъ, ижемцевъ-то, судили, судили и какъ они не отнѣкивались, а все таки заставили зачать робить дорогу. Дорога повелась болотами, да пустырью, съ чего ее и прозвали тайболою. Спонадобилось лежни, да ряжи класть, а на нихъ нужна лѣсина. Ее пускай и много въ томъ мѣстѣ, да растетъ далеко—возить надо. А за возку Мезенскіе Кимжане, да Пинеж-

(*) По всей Архангельской губерніи говорятъ, вмѣсто самоѣды—самоѣдь, не измѣняя это названіе даже въ падежахъ.

(**) Эти скиты и доселѣ совершенно не уничтожены. Они находятся въ верховьѣ рѣки Печорской Пижмы и называются Вемено-Пижемскими или Пежемскими; послѣднее названіе усвоено имъ отъ обилія сѣнокосныхъ и хлѣбныхъ угодій, называемыхъ какъ на Печорѣ, такъ и Мезенѣ и Пинегѣ — пожнями.

(***) Въ Пижемскихъ скитахъ Богослуженіе отправляютъ женщины и ихъ, да и вообще весь женскій полъ живущій въ скитахъ, народъ прозываетъ набожницами.

скіе Немнюжане, коренные рубщики корабельщины (*), такую высь запросили, что у нжемцевъ волосъ дыбомъ всталъ и *совы* совы къ верху поднялъ до толь, что и уши (**) сдерживать не стали. Не понутру эвто пришлось нжемцамъ, охочимъ щедриться для домовъ Божьихъ, да на сладкіе кусы начальникамъ, и скупымъ раскрывать свою кису для своихъ братій крестьянъ, равно какъ и для насъ работниковъ. Вотъ они и за думу взялись, а взявшись за думу и надумали заслать оленей на Мезень, да начать возить лѣсъ на дорогу олешками. Задумано и сдѣлано и пошла работа на стать, а я тутъ и поспѣлъ въ работники пристать. Присталъ, да и выучился, какъ въ этомъ дѣвствовать.

— Однако потерпите маленько, сударь, сказалъ разскащикъ, заправляя санныхъ оленей,—еще окружу стадо, не равно сѣрый дядька опять подшутитъ,—и поѣхалъ. Когда работникъ покончилъ объѣздъ, — залегъ снова на бокъ и сталъ кончать разсказъ.

— По-тѣ же года, сударь, въ портѣ нашемъ, посудинъ строили по многу и лѣсу тащили на городъ (***) ой, ой сколько. Вотъ и нагнали на Мезень лѣсныхъ матросовъ (****), наѣхали и сами бары заготовщики. Зананимали артели на рубку лѣса, да вишь за тѣ года рубили лѣсъ безъ уряда, ближнія то деревья и повывели. Ну, народъ и кинулся деньгу наживать, на дальныя рѣки, въ заглушныя лѣса—въ сюземки не зачатые, туда вверьхъ по рѣкѣ Пезѣ, да на начало ее—рѣки: Рочугу и Самасару. Вотъ знаете, и нашли тамъ лѣсу по дивному, донесли заготовщикамъ: есть, батюшки, лѣсокъ, справте вырубочные (*****) у лѣсничиныхъ.

(*) Такъ на всемъ сѣверѣ зовутъ корабельныя деревья.

(**) Совы—шапки изъ пыжиковъ, оленьихъ телятъ; онѣ шьются съ длинными ушами, которыми завязываются вокругъ шеи.

(***) Такъ называютъ Архангельскъ.

(****) Такъ въ сѣверномъ краю называютъ всю команду 10 Рабочаго экипажа, употребляемую по заготовкамъ корабельныхъ лѣсовъ. А на рѣкахъ Волгѣ, Камѣ и въ Вятчинѣ, подъ этимъ же названіемъ слывутъ и конные лѣсные объѣщики.

(*****) Билеты на вырубку лѣса.

Бары-заготовщики сосчитали по сколько лѣсинъ на артель, узнали и свою польгу (пользу), велѣли рубить лѣсъ, а того вишь не толкнули: далеко ли ростетъ отъ рѣкъ и рѣчушекъ, отобранный лѣсъ. Сами же они, господа заготовщики, по тѣ года прохаживались лишь изъ избы на повитъ, по духовнымъ чинамъ на чаи, да на посидьи дѣвичьи, въ лѣсъ же не браживали.

— Вишь не сильны на то были. Да надо вѣдь и правду молвить, что они тѣмъ виноваты не были, были все убогіе — куда по лѣсу бродить. То съ толстыми ногами, то одна другой короче—вишь, тогда вѣрно ужъ заводъ такой пошелъ—брать на службу лѣсную колѣкъ. Эдакимъ порядкомъ лѣсъ-та и нарубили, а какъ спонадобилось на рѣки возить,—хвать, далеко, а лошадь то по артелямъ дрянь, съ лѣта порядкомъ некормлена (*). Вотъ и заслышалъ про эту задачу богатѣй (богачь) на Мезени изъ деревни Нижній Березнинъ,—забылъ его имячко,—да и заслалъ за мною. Заслалъ, да и давай канаться (**):

— Ты, дескать, у нжемцевъ въ робленьи былъ, какъ лѣсъ на оленяхъ возили на тайболу, дѣло это тебѣ подъ руку, поди-ка съ большакомъ моимъ поѣзжай на рочугу, на мои рочи (***), да разпознай, подручно-ли будетъ мнѣ на своихъ оленяхъ , стаскать корабельщину съ горы на рѣки.

Вотъ я съѣздилъ, вотъ и осмотрѣлъ угодья рочугскія, нашелъ много болотъ, радъ (****) по дивну и высей не мало. А зима тотъ годъ занялась дружная, дороги торныя, я и притокнулъ хозяина взять подрядъ на вывозку. Какъ взяли подрядъ, согнали оленей все стадо, а оно было за тысячу. На-

---

(*) На рѣкѣ Мезени лошадей кормятъ на сыто лишь лѣтомъ, да по осени, выпуская ихъ на выгоны; зимою-же лошадь, которая неупотребляется въ дорогу, должна питаться лишь мерзлымъ мохомъ, рѣдко сѣномъ, а ужъ жита, (ячменя) не видитъ никогда.

(**) Допытываться, дознавать, выспрашивать.

(***) Здѣсь почти у каждаго исправнаго крестьянина, вдали отъ селенія, при лѣсныхъ рѣчкахъ, есть избранныя мѣста, гдѣ стоятъ промышленныя избы и куда собираются послѣ промысла; такія мѣста или урочища называютъ роча.

(****) Радою называютъ низменныя мѣста, покрытыя рѣдкимъ и мелкимъ сосняком.

ладили сани большущія, работниковъ взяли посильныхъ, да и даваи возить лѣсины на олешкахъ, ровно на кобылахъ. Вывозили, сударь, все, и вывозили куда еще до Богородицына дня (Благовѣщеніе). Не-ча сказать, за то и оленя измучили, и пало его не помалу, да все таки вывозили и честь хозяину доставили.

Я полюбопытствовалъ спросить, по скольку оленей закладывали подъ каждое дерево. Работникъ отвѣчалъ, что оленей брали по тяжести деревъ, полагая хорошую пару на 20 пудъ, слабую—на 15; а какъ большемѣра не было, то болѣе пятидесяти скотинъ и не надобилось; что тяжесть раскладывалъ самъ хозяинъ, а упряжью занимался мой разскащикъ. Посильность же для оленя была опредѣляема тѣмъ, что пара оленей, идя обозомъ на Пинежскую ярмарку, свободно везетъ картелку (бочку) съ саломъ, или соленою рыбою въ 20 пудовъ, на разстояніи отъ села Ижма до города Пинеги почти до 800 верстъ. А какъ деревья, надъ которыми былъ сдѣланъ опытъ вывозки, не приходилось вывозить болѣе 20 и 30 верстъ, то раскладывали на пару иногда вѣсъ и болѣе вѣса картелки.

— Нечего сказать, продолжалъ работникъ, такимъ дѣломъ подивили народъ, инда шумъ пошелъ по мезенскимъ волостямъ, отъ радости рубщиковъ, что стало способно рубить лѣсину во всякомъ сюземкѣ (дальномъ мѣстѣ),—олени на рѣки вытащатъ. Да нетутъ-то было, вишь на первые нашему хозяину это дѣло, ваги въ карманъ мало дало, а онъ съ того и не могъ большую почесть отдать барину заготовщику. Тотъ, знать, заобидѣлся—охулилъ все дѣло на городѣ. Насказалъ вишь тамъ, что и лѣсъ то незраченъ, и плыть то ему до порта приводится черезъ много водъ, да и черезъ сердитую мезенскую губу и ссорливыя луды,—бросили этотъ край и пошли опять добывать корабельщину на старыя мѣста, изводить лѣсокъ до той поры, что скоро не станетъ кому и сѣмечко бросить лиственичное, для завода молодой корабельной лѣсинки. Ну, а все таки молвлю, жаль что такое дѣло не пошло на ладъ. Оно поправило бы Пезскую сторону и бѣдной

самоѣди не нужно бы было выѣзжать на катанье въ дальніе города. Они бы съ радостью пошли добывать ясакъ, на вывозѣ корабельщины.

Все что разсказывалъ караульщикъ повѣрено на дѣлѣ и оказалось, по большей части, совершенно справедливымъ. Не извѣстно откуда распространилось понятіе, что лѣса по Архангельской губерніи такъ обширны, что даже и при безрасчетной вырубкѣ—ихъ не извести. Но, къ сожалѣнію, въ натурѣ выходитъ не то. Лѣса по этой губерніи, на тысячахъ верстъ, занимаютъ одни лишь узкія полосы поберегамъ рѣкъ, особенно по рѣкамъ Печорѣ и Мезени. Эта ложная мысль о чрезмѣрномъ обиліи лѣсу породила не малую беззаботность въ тѣхъ лицахъ, которымъ поручено блюсти за сохранностію лѣсовъ, и даже обнадежила заготовщиковъ корабельныхъ лѣсовъ дотого, что они имѣя подъ руками всѣ свѣденія о лѣсахъ и двухъ-верстныя подробныя карты, даже и несправляются съ ними, вѣрятъ сказкамъ казенныхъ прикащиковъ и подрядчиковъ; не переносятъ заготовокъ изъ одной лѣсной дачи въ другую, доводя лѣса до того самого положенія, въ какомъ обрисовалъ ихъ караульщикъ. Каждый подрядчикъ идетъ рубить лѣсъ туда, откуда ближе ему деревья вывозить на сплавъ, не роняя между прочимъ цѣны подряда. Распорядитель же заготовки, вѣря подрядчику и не имѣя охоты собрать лично свѣдѣнія о мѣстахъ болѣе выгодныхъ для вырубки, изъ ложной гордости не спрашивалъ о томъ и у мѣстныхъ лѣсничихъ. А тѣ въ свою очередь, считая дѣло заготовокъ чужимъ и не увеличивающимъ лѣсные доходы, такъ какъ корабельныя деревья рубятся безъ платежа попенныхъ денегъ, — молчатъ. Молчатъ еще и потому, чтобы съ заготовкою корабельныхъ лѣсовъ, не открылись бы грѣшки, которые могутъ остаться вѣковою тайною, если не нападутъ на нихъ заготовщики при пріемѣ, или землемѣры при выдѣлкѣ корабельныхъ рощъ. Всѣ представленія о мѣрахъ для сбереженія лѣса, какъ на примѣръ о возможности улучшить вывозку и сплавъ деревъ изъ мѣстъ, почитавшихся тогда неприступными, всѣ способы сократить пути для доставки деревъ

къ Архангельскому порту, оставлялись безъ вниманія, подвергались насмѣшкамъ старыхъ служакъ по заготовочной части, и гибли въ Архангельскѣ, не подавая отголоска въ Петербургъ. Множествомъ примѣровъ можно было бы подтвердить сказанное, но довольно и одного. Не обозначая времени, разъ была нужда въ Архангельскомъ портѣ въ стеньговыхъ деревьяхъ, заготовщикамъ показали непочатые сосновые лѣса по рѣкѣ Сожѣ, впадающей въ рѣку Онегу, въ 45 верстахъ отъ города Онеги; они ихъ опорочили на томъ основаніи, что по дѣдовскому пути къ Архангельску черезъ рѣку Емцу, должно поднимать деревья черезъ Бирючевскіе пороги, что очень опасно. Не смотря на то, что было предлагаемо или перевезти лѣсъ, около пороговъ, зимою по берегу, или доставить его къ порту моремъ, черезъ Онежскую губу, въ особо-составленныхъ морскихъ плотахъ, всѣ эти предложенія не были испробованы и стеньги продолжали рубить въ Нейско-Какшинскихъ дачахъ, Ветлужскаго уѣзда, Костромской губерніи, доставка которыхъ къ порту обходилась весьма дорого, а показанные лѣса въ Онежскомъ уѣздѣ остались на жертву лѣсопильнымъ заводамъ: Онежскимъ и Андогскимъ.

Къ концу разсказа тундру начала румянить утренняя заря, самоѣды закопошились, и къ чуму старшины подъѣхала пара оленей. На саняхъ сидѣлъ самоѣдъ въ малицѣ, ушитой звѣриными хвостами и побрякушками. Разскащикъ мой сейчасъ же погналъ къ чуму старосты, сказавъ мнѣ:

— Знать староста затѣялъ бить кудесъ по брату, вишь Тадибей ѣдетъ, по севбоцу (особенная шапка кудесниковъ) вижу. Пойду въ чумъ, увижу что, разскажу твоей милости.

Я отправился пить чай, въ свой чумъ, куда уже начинали доноситься изъ чума старосты, крики самоѣдовъ, слитые съ ударами тадибея въ пензеръ (бубенъ). Значитъ началась самбодова.

Б. Яновскій.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

—

Кересъ Акима Павлова, Сюзь-ю.

Въ одномъ изъ уголковъ сѣверовосточной Россіи, Архангельской губерніи въ Мезенскомъ уѣздѣ, протекаетъ небольшая, но шумная рѣка Ижма. Туземцы Зыряне зовутъ эту рѣку Изъ-ва, или просто каменная рѣка. Шумною же ее звали и нынѣ называютъ Галичане и Чердынцы. Такое прилагательное заслужила эта рѣка еще со временъ славы Великаго Новгорода—и оправдательно носитъ его и до сихъ поръ. Новгородскіе сборщики ясака съ печорскаго края ранѣе всѣхъ Великороссовъ попали на эту рѣку—и, не зная ее хорошо, неоднократно страдали въ ея порогахъ, нарушавшихъ шумомъ своимъ безмолвіе лѣсистыхъ окрестностей, потому что заселеніе печорскаго края послѣдовало уже гораздо позже, и, какъ извѣстно изъ собранныхъ мною свѣдѣній, едва ли не черезъ полтора столѣтія. Шумъ этотъ, вѣроятно неслыханный сборщиками по рѣкамъ ихъ пути на Печору отъ Новагорода, такъ сталъ имъ памятенъ, что они и на Печорѣ и на Двинѣ разсказывали, что попали сюда черезъ шумную рѣку. Печоряне же, перенявъ отъ Новгородцевъ такое названіе рѣки Ижмы, снова назвали ее шумною за то, что въ каждое явленіе новгородскихъ сборщиковъ съ Ижмы на Печору, во всемъ этомъ краю поднималась тревога и шумъ при сборѣ дани.

Нынѣшнее же поколѣніе Галичанъ и Чердынцевъ даетъ опять Ижмѣ названіе шумной оттого, что разсказы про богатство крестьянъ средней Ижмы, годъ отъ года, распространяются на окрестныхъ ярмаркахъ и отголоски ихъ вторятся, время отъ времени, далѣе и далѣе, и доносятся до Ирбити и Казани.

Первый разъ случилось мнѣ быть на рѣкѣ Ижмѣ назадъ тому лѣтъ двадцать. Въ то время Ижма была уже нетолько заселена и застроена, но даже составляла одно изъ роскошнѣйшихъ и богатѣйшихъ заселеній по всей Архангельской и Вологодской губерніямъ. Оставивъ многіе богатые кереса ижемскіе, промолчавъ про село Красноборское, которое первое встрѣчается, проѣзжая съ Печоры, замѣчу лишь то, что въ мое время въ селахъ: Ижмѣ и Мокшинскомъ, расположенныхъ съ берега на берегъ, красовались уже роскошныя церкви, украшенныя хорошею живописью и богатѣйшею утварью лучшей московской работы,—и застроивалась третья, которая, судя по проекту, должна была превзойти ижемскую и мокшинскую. Это въ Сизябскомъ кересѣ, стоящемъ на лѣвомъ берегу Ижмы, семью верстами ниже села Мокшинскаго. Въ это время и въ этомъ краю уже не было курныхъ избъ, съ пузырями въ окошкахъ, а по большей части красовались просторные двухъэтажные дома, съ комнатами, иногда обитыми щегольскими обоями, меблированными орѣхомъ и краснымъ деревомъ и украшенными картинами. Въ селѣ же Мокшинскомъ находился и каменный домъ, тогда какъ изрѣдка повстрѣчается каменная церковь по всей Архангельской губерніи и не болѣе десяти каменныхъ домовъ, кромѣ казенныхъ, найдется въ самомъ Архангельскѣ.

Каменный домъ, въ которомъ была моя временная квартира, принадлежалъ мокшинскому крестьянину Евсѣю Смѣтанину.

Смѣтанинъ, какъ разсказывали крестьяне Мокшинскаго села, первый изъ Ижемскихъ Зырянъ ознакомился съ матушкою Москвою и, выражаясь его словами, оставилъ свои оленьи стада и замшевые заводы на счаѣ по московскимъ трахьтерямъ. Я засталъ Смѣтанина уже въ очень пожилыхъ годахъ съ однимъ каменнымъ домомъ и уже пустившагося въ разныя мѣстныя спекуляціи, подъ покровительствомъ Поповыхъ,—туземныхъ крестьянъ, фамилія которыхъ за доброту, честность и радѣніе къ церквамъ, гремитъ нетолько на Печорѣ, а извѣстна и въ Обдоріи и въ городѣ Березовѣ, и служитъ вѣрнѣйшимъ векселемъ по всѣмъ ярмаркамъ, посѣщаемымъ Ижемскими Зырянами.

Евсюшка, такъ звали всѣ моего Смѣтанина, съ дѣтства испыталъ, или испробовалъ всѣ пути жизни и зналъ весь печорскій край, какъ самаго себя, а потому, собираясь осматривать верховье Ижмы и печорскіе пустыри, я заблаговременно, со словъ Смѣтанина, составилъ себѣ топографическій маршрутъ и записалъ гдѣ и у кого спросить про достопримѣчательности Печоры. Съ этими замѣчаніями, я въ самый Семеновъ день поплылъ вверхъ по Ижмѣ.

Въ это время, въ здѣшнемъ краю, ночи бываютъ долгія, дни заканчиваются скоро, погода стоитъ сырая и по деревнямъ или кересамъ, гдѣ подходитъ къ исходу уборка хлѣба, что называется—хоть шаромъ покати, мужики въ работѣ, вездѣ однѣ только бабы Зырянки, непонимающія русскаго языка или даже никому изъ заѣзжихъ и непоказывающіяся. Такъ какъ мнѣ нужно было подниматься Ижмою болѣе 200 верстъ, то, опасаясь убыли воды, я плылъ до пороговъ день и ночь. Лодка у меня была покойная, толмачь молодой Ижемецъ, довольно смышленый, а потому и дорожныя дѣла мои шли чудо какъ хорошо. Лодку поднимали въ двѣ конныя бичевы, поданныя на оба берега, и она, несмотря на быстроту противнаго теченія, шла довольно скоро.

На другіе сутки послѣ выѣзда нашего изъ села Мокшинскаго, лишь только начало разсвѣтать и берегомъ стали показываться Зыряне и Зырянки, гонящія скотъ въ отходы, на право засѣрѣла деревушка, и рулевой закричалъ:

— Благословись—въ первый порогъ идемъ.

Видавши ужасные пороги на рѣкѣ Онегѣ, при деревнѣ Порогъ, Онежскаго уѣзда, и спускавшись съ нихъ въ легкомъ *карбасѣ*, я и не слыхалъ, какъ взошла моя лодка на первый ижемскій порогъ.

— Пихнись, батюшки, толкнись *шестикомъ родиминькіе!* кричалъ рулевой рабочимъ. Ухъ! катимъ.... Еще разочикъ и перекатимъ.... Еще минуточку и за порогомъ, еще такую, чтобы Зырянки не успѣли огня придуть къ лучинѣ — на печь, и въ деревню встанемъ.

Рабочіе, принимая приказанія кормчаго, въ свою очередь то-

же шумѣли и голоса ихъ, прерываемые ревомъ перекатныхъ волнъ въ порогахъ, заносило вѣтромъ далеко по берегамъ Ижмы.

Вотъ наконецъ и жилище Акима Павлова.

— Чаль! крикнулъ рулевой; скокомъ очутился на берегѣ толмачъ, и мой Петрушка не успѣлъ еще распорядиться выноскою вещей,—какъ съ крутаго берега начала опускаться группа людей.

На лѣво отъ лодки, подъ навѣсомъ вѣковой ели, стояла небольшая часовенка. Свѣтъ отъ лампады, выходя изъ крошечнаго окошечка, билъ на низы еловыхъ вѣтвей и освѣщалъ высунувшуюся изъ за крыши стволину, и вмѣстѣ съ часовнею видоотражался въ рѣкѣ Ижмѣ.

Темень болѣе и болѣе обнимала все окружающее. Въ полуверстѣ отъ берега выглядывала черная стѣна лѣса, верхъ которой какъ бы упирался въ небо, и на ней, по темному фону, обозначались четыре избы, освѣщенныя зажженными лучинами Зырянъ, шедшихъ мнѣ на встрѣчу. Это была деревня Сюзь-ю, или жительство Акима Павлова.

Впереди прочихъ Зырянъ шелъ самъ Акимъ Павловъ съ непокрытой головой, на которой серебрились сѣдые волоса. Рядомъ съ Акимомъ былъ мой толмачъ, а за нимъ—еще три или четыре Зырянина.

Я снизу, изъ подъ горы, а Акимъ Павловъ сверху, подвигались медленно другъ къ другу. Мои работники Ижемцы, завидя Павлова, какъ будто передъ какимъ либо владѣтелемъ, посняли совы (шапки) — и съ шопотомъ отдѣлились отъ матросовъ и отъ Мезенскаго рулеваго. Вокругъ ничто не шелохнулось—и, какъ бы для приданія эффекта моему свиданію со старикомъ Акимомъ, замолкъ и лай собакъ, и мычаніе коровъ, и блеяніе овецъ, которое слышалось еще версты за двѣ, какъ бы увѣдомляя, что деревня Сюзь-ю недалеко.

— Счѣмъ споклонюсь, свашей милости, гость давно загаданный, началъ Акимъ Павловъ, нагнувъ свою сѣдую голову и сложа на груди руки.

— Вотъ вашей милости, продолжалъ старикъ, вынимая что-то изъ подъ малицы,—отъ сюземскаго (дальняго) старика лѣ-

сной гостинчикъ, съ нашей рѣчушки Сюзь-ю. И съ этимъ онъ подалъ мнѣ выдру,—я еще не успѣлъ ни взять ее, ни сказать, что возьму или нѣтъ, старикъ полезъ опять подъ малицу и, вытаскивая большіе шерстяные чулки, опять заговорилъ:

— Зырянскій нашъ бобрикъ отеплитъ вашу шею, а лепты (*) хоть не изъ камыса, а все-таки постоятъ за себя и не дадутъ на посрамленіе ногъ вашихъ мокротѣ и холоду, когда пойдете оглядывать нашу лѣсиницу; она растетъ, матушка, у насъ все по позорнымъ мѣстамъ: по кочкарнику, да по болотинѣ, и въ холодный край пошла, туда—въ полуночную. Съ послѣдними словами старикъ показалъ на сѣверъ.

Мы приблизились къ деревнѣ.

Изба Акима Павлова стояла въ самой серединѣ, она была новенькая и чистенькая; по крыльцу былъ раскиданъ нарубленный вересъ (мозжевельникъ), а у самой двери, ведущей въ избу, стоялъ сынъ старика съ зазженою свѣчею.

Въ просторной избѣ, съ бѣлою печкою и боковушкою, увидалъ я, не упомню, двухъ или трехъ Ижемокъ. Онѣ стояли, обратясь спиною къ дверямъ,—на мѣсто меня поклонились окнамъ, но не бросили свои занятія и не спрятались, какъ дѣлаютъ казанскія Татарки при входѣ посторонняго мужчины въ избу, несмотря на то что у Татарокъ чадры или покрывала, а у Ижемокъ ихъ нѣтъ. Такая встрѣча Ижемокъ меня ни сколько не удивила, я уже съ нею былъ знакомъ и въ селахъ: Ижемскомъ и Мокшинскомъ. Да надобно и вообще сказать, что ижемскія Зырянки и въ самыхъ богатыхъ домахъ, гдѣ ихъ отцы, мужья и братья просвѣщены на ярмаркахъ, держатъ себя всегда вдали отъ мужскаго пола, и до замужества нетолько не кажутся заѣзжимъ и даже никогда не участвуютъ ни въ какихъ общихъ бесѣдахъ и со своими Ижемцами, но не родными.

Конечно, полевыя работы сближаютъ ихъ съ работниками,

(*) Такъ называютъ теплые чулки, въ подражаніе Самоѣдамъ, у которыхъ лептами именуются чулки, сшитые изъ оленьихъ лапъ, камыса, надѣваемые шерстью внизъ.

но сближаютъ только тѣмъ, что онѣ рядомъ работаютъ и на дальнихъ угодьяхъ вмѣстѣ ѣдятъ.

У Зырянокъ, Ижемокъ, и въ особенности у дѣвокъ собираются свои бесѣды. На нихъ онѣ наслаждаются чаемъ, смотря по состоянію, или потѣшаются орѣхами и пряниками, навезенными Чердынцами; но главную ихъ утѣху и веселье составляетъ пѣніе божественныхъ стихиръ; ихъ знаютъ наизусть и тѣ, которыя по русски едва выговариваютъ: да и нѣтъ.

Одинъ разъ по осени, а когда именно—объяснить не могу, по случаю потери памятной записки, бываетъ у Ижемцевъ всеобщій сборъ на одномъ островкѣ рѣки Ижмы, супротивъ самыхъ избъ селъ: Мокшинскаго и Ижемскаго. Сборъ этотъ ведется еще со временъ идолопоклонничества и на немъ бываютъ разныя игры и забавы, кромѣ плясокъ и пѣсень. На этомъ сборѣ сближаются вмѣстѣ оба пола и нѣтъ укрывательства и отъ постороннихъ.

На увеселительномъ сборѣ Ижемцевъ мнѣ самому быть не довелось, а я слышалъ про него отъ мѣстнаго начальства и частію отъ самыхъ Ижемцевъ, которые, между прочимъ, про игру эту разсказываютъ не съ большою охотою, какъ объ воспоминаніи невѣжественнаго своего состоянія; игры эти совершаются въ память прапращуровъ и въ знакъ должной имъ благодарности за то, что они избрали такую богатую для заселенія страну.

Въ этомъ сборѣ, кажется, у Ижемцевъ, затѣваются помолвки, потому что къ этому времени возвращается молодежь съ нижегородской ярмарки и пріѣзжаетъ изъ большеземельской тундры за разными запасами на осень и зиму, которые удобнѣе туда плавить въ лодкахъ по рѣкѣ Усѣ, чѣмъ послѣ перевозить на оленяхъ.

Говоря же вообще о Ижемкахъ, я замѣчу, что бывши два раза въ этомъ краю, я изъ всѣхъ Зырянокъ повстрѣчалъ свободу въ обращеніи лишь въ семействѣ Евсѣя, гдѣ жена его, образовавшаяся вмѣсто тундры въ Москвѣ, умѣла привить русскую развязность и обходительность къ своимъ дочерямъ и къ снохамъ.

Въ боковушкѣ, занимавшей мѣсто пріемной или парадной комнаты въ жилищѣ Акима Павлова, передній уголъ былъ увѣшанъ образами, но безъ дорогихъ окладовъ, какими внизу Ижмы, почти въ каждомъ, не только зажиточномъ, а даже мало мальски исправномъ домѣ, украшается, выражаясь туземно, «Божіе милосердіе». Передъ каждою иконою висѣла своя лампада; на мѣсто цвѣточныхъ гирляндъ, иконы были убраны вербою, зеленымъ мохомъ и вырѣзанными изъ бумаги сѣточками, изъ которыхъ выглядывали соловецкія просфоры. На каждой просфорѣ было надписано имя одного изъ членовъ семейства; она съѣдалась цѣлою семьею въ день Ангела того, за кого была вынута заздравная часть, и каждогодно замѣнялась новою, привозимою изъ Соловковъ.

По окнамъ были разставлены крынки и ящики съ растеніемъ стручковаго перца; по стѣнамъ висѣли разныя сушеныя травы и шкурки звѣрей; но оружія не было видно. Это собственно потому, что, по туземнымъ понятіямъ, тамъ гдѣ находятся изображенія ликовъ Ангеловъ членовъ семейства, которымъ приличествуютъ только безкровныя жертвы, ружія, винтовки и т. п., какъ орудія смерти, или, по ижемски, вышивателей крови, вѣсить грѣшно. Три стула крестьянской работы, широкая лавка по лицевой сторонѣ, столъ, удрученный разною съѣдомостью, вотъ и всѣ принадлежности боковушки.

Свѣтъ отъ лампадъ, которыя, по словамъ хозяина, зажигались въ каждый праздникъ и въ дни пріѣзда дорогихъ гостей, билъ на пунцовую ситцевую занавѣсь (*) кровати — и, при входѣ моемъ, мнѣ показалось, что боковушка была освѣщена бенгальскимъ огнемъ.

Войдя въ боковушку, я долженъ былъ, слѣдуя хозяину и толмачу, помолиться каждой иконѣ особенно и, изучивъ характеръ ижемскихъ Зырянъ, отдавшись во власть Акима Павлова, безпрекословно сѣлъ на указанное мнѣ мѣсто, въ переднемъ углѣ.

— Кланяемся твоей милости, говорилъ хозяинъ, лѣсною пи-

(*) Ижемскіе Зыряне большіе охотники до яркихъ цвѣтовъ, и особенно красныхъ.

щею, отвѣдай сударь и не взыщи, что наровлю сподчивать тебя не тундреными и не чердынскими гостинцами, а нашею лѣсною птичкою.

Столъ Акима Павлова дѣйствительно былъ весь уставленъ латками и чашками, наполненными вареною и жареною птицею. Рюмка перцовой водки, прихлебнутая прежде самимъ хозяиномъ и потомъ приподнятая передъ среднимъ образомъ, должна была быть выпита мною передъ ужиномъ, но выпита не прежде, какъ хозяинъ покончитъ короткую молитву передъ ликомъ, изображающимъ угодника его имени. Молитва Акима Павлова была произносима съ такою полнотою чувствъ, что глубоко залегла въ мою душу и долго вторилась въ ушахъ моихъ.

Какъ только я выпилъ вино, за мною послѣдовалъ самъ хозяинъ, потомъ поподчивалъ толмача и отдалъ флягу старшему сыну, чтобы тотъ поднесъ по чаркѣ перцовки моимъ служащимъ и работникамъ.

—Какъ показались наши лѣса твоей милости? заговорилъ хозяинъ, садясь за столъ насупротивъ меня.

—Конечно, продолжалъ онъ, неча сказать, есть въ нихъ много путнаго и по совѣсти грѣшно затаить деревья передъ парскимъ начальствомъ, да только то, что ежели твоя милость заполонитъ всѣ ихъ, да не велятъ, по уставу, не только прутишка взять, а даже и съ ружьемъ по нимъ пройти, то пропали мы. Намъ только и житье отъ лѣску, онъ намъ даетъ птичку и звѣрка, а мы тварью эвтою и подать выручаемъ у Ижемцевъ, дань даемъ домамъ Божіимъ и лопотиною заводимся.....

—Вотъ уже девятый десятокъ на другое лѣто, какъ пришелъ мой родной отецъ домиться сюда изъ села Мокшинскаго, ужъ онъ ли не искалъ на свою жизнь, и я ли не избродилъ здѣшніе сюземки и земляные валы на свой вѣкъ, а инаго богатства, кромѣ сѣрой птицы, худой выдры да бѣлки немудрящей, ничего не нашли оба, а вотъ ужъ пятый годокъ и въ лѣсъ не хожу, молюсь лишь за тяготы житейскія рода своего, да и за себя, грѣха достойнаго....

— Нечего молвить — въ прежніе годы водился и горностай въ сюземкахъ нашихъ,—звѣрекъ что подъ царскія шубы идетъ,

а ужъ лонеи пять прошло, какъ и въ заводѣ не стало его. Перевели весь Зыряне вологодскіе.

— Какъ Зыряне вологодскіе, развѣ они приходятъ въ ваши участки? полюбопытствовалъ я.

— Какъ не приходятъ, воры, приходятъ и повадились-то за тѣмъ, что заслышали отъ своихъ соотчичей, вышедшихъ на заселъ на нашу Ижму,—что будто по нашимъ горушкамъ, да по берегамъ рѣчушекъ, дорогія руды живутъ. Да Господь съ ними, пусть бы бродили они по мирному, а то большія бѣды дѣлаютъ нашимъ промышленникамъ. Нашъ народъ идетъ въ сюземъ помалу, а ихъ собираются большущія ватаги, — да знаешь, твоя милость, какъ сойдутся-то, такъ мало того, что птицу и звѣря на половину повыведутъ; не въ достачь того, что и пасти и капканы оберутъ; такъ нѣтъ еще, съ драцею нападутъ на нашихъ промышленниковъ, отнимутъ все, что на себѣ несутъ и на нартахъ (*) везутъ, а все, слышь, за то, что будто мы хоронимъ отъ нихъ золотую и серебряную руду, съ которой, вишь, и разжились наши благодѣтели Ижемцы—селъ: Ижемскаго и Мокшинскаго. Жалились мы на нихъ старому сначальству. То ѣздило туда, да проку никакого не было. А не было-то оттого, что, начиная съ самаго наибольшаго земскаго, пожалуй съ исправника, служилъ все голый народъ, а ширяться любилъ наравнѣ съ большими барами.—Вотъ они, чтобы сладко съѣсть и выпить, на мѣсто избавленія нашего отъ пришлецовъ лиходѣевъ, завели къ гранямъ чужихъ уѣздовъ свои вотчины изъ бѣглецовъ да изъ неплотельщиковъ царской повинности; ну такъ поневолѣ и не смѣли выгонять Зырянъ изъ нашихъ угодьевъ....

—Настало новое правленіе, думали: вотъ пожалимся—защититъ эвто начальство, а не тутъ-то было, ему все некогда, вишь говорятъ, прежде чѣмъ объ васъ хлопотать, надо раскольниковъ известь, скиты ихъ посбить....

—Вотъ знаете, сударь, они для этаго все и по лѣту и по зимѣ и разъѣзжаютъ по скитамъ печорскимъ, обираютъ иконы и утварь часовенную, а куда все эвто дѣваютъ—Богъ вѣсть. Ко-

(*) Легкія санки, на которыя складываютъ лѣсной промыселъ.

нечно нонись шла молва, будто бы въ церковь Усть-Цылемской слободы все скитское серебро и золото представлено, а я былъ тамъ съ весны—и хоша видѣлъ лики Святыхъ, коимъ молился и самъ въ скитѣ пижемскомъ; да угодники-то все голые—нѣтъ на нихъ тѣхъ ризъ, какими были они въ скитахъ охичены.

—Пущай старое начальство лиходѣевъ-то не изводило нашихъ, такъ покрайней мѣрѣ не жало и насъ, а новое-то дѣла въ разборъ не ведетъ, а насъ все жметъ да ажимаетъ, — откройте, дискать, гдѣ у васъ дорогая руда. Ну что открыть, когда нѣтъ ничего. Годовъ съ пятокъ тому назадъ и коммисія какая-то изъ Питера рылась по землямъ нашимъ, да нашла лишь по одной моей рѣчушкѣ Сюзь-ю какой-то, по ихнему, колчаданъ, а инаго ничего струментомъ своимъ не дозыкалась.

—Ну-да пускай такъ. Акимъ всталъ, перекрестился и продолжалъ:—тутъ я покривилъ душою передъ Господомъ и передъ начальствомъ, не показалъ самаго того мѣстечка, откуда я добывалъ, по ихнему, колчаданъ, за которой дали мнѣ у города Архангельска большую серебряную лампаду для Соловковъ. За лампаду-то эвту у чудотворцевъ Зосимы и Савватія и доселѣ части вынимаютъ за здоровье семьи моей и каждый годъ шлютъ съ богомолами нашими свѣжую просферу—на меня, на бабу и на дѣтищей.

Послѣ этого еще много поразсказалъ Акимъ про здѣшній край, но всего любопытнѣе былъ для меня разсказъ его про заселеніе рѣки Ижмы; но прежде чѣмъ передамъ, сколько запомню, сказку Акима, скажу: что послѣ ужина Акимъ Павловъ угостилъ меня чаемъ, во время котораго семья его и со мною пріѣхавшіе Ижемцы пѣли разныя молитвы.

Вверху по Ижмѣ самоваровъ вовсе не держатъ и страсть свою къ чаю удовлетворяютъ, согрѣвая воду, или въ мѣдномъ чайникѣ, или въ котелкѣ, спуская въ нихъ чай, какъ только что начнетъ кипѣть вода. Отъ этого и самый лучшій чай, какимъ угощалъ меня Акимъ, имѣлъ какой-то прѣлый и мѣдяный запахъ; послѣдній, какъ узналъ я послѣ, былъ оттого, что посуда на верху Ижмы большею частію никогда не лудится.

По словамъ Акима Павлова, берега рѣки Ижмы прежде всѣхъ

были знакомы мезенскимъ Самоѣдамъ,—и именно тѣмъ Самоѣдамъ, которые нынѣ носятъ названіе лѣсныхъ или ижемскихъ. Самоѣды, проходя тундры и кочуя по рѣкѣ Усѣ, имѣли горные промыслы и въ Ижемскомъ краю. Самоѣдь богатую, говорилъ Акимъ, засталъ и я на своемъ вѣку и никогда не дивлюсь словамъ ихъ тадибѣевъ (*), что въ давнія времена, послѣ которыхъ въ здѣшнихъ лѣсахъ сосна и листвякъ два раза успѣли постарѣть, Самоѣдь засыпала богатствомъ всѣ ворги и тропы здѣшнія. Про богатство Самоѣдовъ сперва познали Печоряне, а потомъ молва про него прошла черезъ Двинянъ и дошла до Новгородцевъ, а Новгородцы, владѣя тогда уже землями Двины и Печоры, стали разузнавать какимъ путемъ попасть въ земли Ижемскія, за богатствами самоѣдскими,—и путь тотъ указали имъ нынѣшніе Вычагжане по лѣсной рѣкѣ Ухтѣ. Съ Новгородцами же попали на Ижму и Зыряне съ Перми и Вологды; имъ понравилась Ижма; стали манить своихъ соотчичей въ этотъ край, по ихнему, полный богатыхъ кладовъ. А чтобы больше ознакомиться и съ мѣстностью и съ промыслами, они стали находить сюда временно; потомъ зачали наниматься въ работники къ богатой Самоѣди, а какъ все вызнали—явились на Ижму уже большою ватагою и почали тѣснить лѣсныхъ Самоѣдей въ глубь большой тундры. «Много крови, хоша тогда еще и не христіанской, а все таки живой, человѣческой, говорилъ Акимъ Павловъ, попили берега Ижмушки, и сама она матушка напилась подоволь ею, да за это много и потерпѣли ее берега, пока Зыряне не нашли настоящихъ мѣстъ для своихъ кересей». Тутъ Акимъ Павловъ перечислилъ мѣста, гдѣ и до сихъ поръ отрываютъ разныя вещи, свидѣтельствующія о первоначальномъ житьѣ Зырянъ. Около же села Ижмы есть мѣсто, и именно тотъ самый островъ, гдѣ, какъ я замѣтилъ выше, бываетъ пиршество. На этомъ островѣ, еще въ недавнее время, по словамъ Акима Павлова, отрывали обломки разнаго оружія; поэтому и

(*) Жрецы или служители идоламъ, во время язычества Самоѣдовъ; званіе тадибея было наслѣдственное и переходило изъ рода въ родъ.

по своимъ предашямъ, Ижемцы предполагаютъ, что этотъ островъ, въ началѣ заселенія здѣшняго края, составлялъ одинъ материкъ праваго берега рѣки Ижмы и на немъ было окончательное побоище Зырянъ съ Самоѣдами.

Когда же Зыряне совершенно познакомились съ краемъ, вывѣдали всѣ промыслы, да замѣтили слабости Самоѣдовъ, то и стали постепенно завладѣвать и тундрою, и изъ работниковъ попавъ въ хозяевъ, завладѣли и оленьими стадами Самоѣдиновъ.

А какъ разбогатѣли, стали вести жизнь привольную, сытную, начали держать работниковъ по многу — «вотъ нашимъ Ижемцамъ, говорилъ Акимъ, и пришла волюшка и свободное времячко увеличивать свои семьи, а оттого имъ сдѣлалось тѣсно въ тѣхъ селахъ и кересахъ, гдѣ жили прежде; они взяли да и погнали нашего брата неоленьщика вверхъ на Ижму. Съ этой поры и пошла заселяться Ижма и вверхъ, а на грѣхъ да на бѣду, по рѣкѣ Ухтѣ появились нефтяны ключи, а отъ нихъ пошолъ по дну камень доманитъ; пришли съ Вологды еще новые заселенцы и главный изъ нихъ—дядя Вась; его повидитъ твоя милость въ кересѣ Усть-Ухтинскомъ. Онъ поразскажетъ тебѣ больше меня старика; я про то, что онъ молвитъ, и заикнуться боюсь.»

Въ разсказахъ старика, время невидно подвигалось впередъ и впередъ; вотъ замолкло и божественное пѣніе его семьи; сталъ покачиваться на скамьѣ мой толмачъ, и самый разсказъ старика хозяина началъ учащенно перерываться позѣвами. Я посмотрѣлъ на часы, — уже за полночь....

— Ого, ужъ сколько времичка, поднимаясь съ лавки, сказалъ я Акиму Павлову.

— А развѣ ужъ подивну? спросилъ старикъ.

— Да ужъ за полночь вѣрно, прибавилъ мой Петрушка, вижу по свѣчамъ, вишь, хоть другія подавай....

— Правда ли баринъ?

И когда Петрушка получилъ въ отвѣтъ мое согласіе, то обратясь къ толмачу, полюбопытствовалъ:

— А что дядя — не слышно пѣтуха?

— Здѣсь вверху Ижмы и заводу нѣту на курью птицу; да

и дивиться-то нечего, — вѣдь и у насъ въ волостяхъ невдавнѣ пошла она въ ходъ, а то тоже не было. Вишь, старики говорятъ, что лучше крохи тѣ, которыя кура подбираетъ, дать голому крестивому, а не то кычкѣ (*),—тотъ и другая отблагодарятъ болѣе чѣмъ кура. Яйца куръ лишь страстей добавляютъ, не хуже поморской соленой рыбы трески да палтусины, а сытности отъ нихъ мало.

Рано утромъ, еще гдѣ до выхода всего солнышка изъ за лѣса, зашушукали бабы въ избѣ, заслышался лай собакъ по кересу и забрякали молотильные цѣпы на повѣтяхъ. Вотъ забуровилъ и ручной жерновъ и мнѣ не стало спаться. Я закричалъ Петра, онъ, потягиваясь и едва протирая глаза — охорашиваясь, подошелъ къ моей кровати.

— Вели, братецъ, готовить лодку къ дорогѣ,—да позови ко мнѣ хозяина.

Спустя немного, на мѣсто Петра явился толмачъ и сказалъ, что лодка изготовляется, бичевники наряжены, и что съ Усть-Ухты пришелъ проводникомъ, самъ дядя Вась.

— А гдѣ жъ хозяинъ? спросилъ я толмача.

— Онъ ушелъ съ вечера и еще не входилъ въ избу, вѣрно на сосѣдяхъ спитъ, видите—здѣсь людно было.

Слѣдомъ за толмачемъ вошелъ въ избу еще какой-то Зырянинъ. Онъ что-то поговорилъ съ хозяйкою, та передала старшему сыну связку ключей. Немного погодя сынъ явился съ ношею разной битой птицы.

— Это, сударь, дары духовнымъ чинамъ, передалъ мнѣ толмачъ, показывая на птицу.

Мнѣ стало скучно ждать въ избѣ хозяина, да и несносно отъ дыму, которымъ наполнилась не только изба, а и самая боковушка, когда затопили печь; я пошелъ по деревнѣ. Обойдя ее, я поровнялся съ часовнею, гляжу — дверь недоперта, и я вошелъ. Первое, что представилось глазамъ, это былъ рядъ образовъ; передъ ними горѣла лампада; вправѣ стоялъ маленькій

(*) Кычко—общее названіе собакамъ, нетолько по Ижмѣ и Печорѣ, а даже и на Мезени.

налой, на немъ лежалъ развернутый псалтырь, а поодаль отъ налоя была прислонена къ стѣнѣ гробовая крышка. Я обратился налѣво, чтобы спросить у толмача, который былъ со мною, что это значитъ,—и увидалъ гробъ, и изъ него, весь покрытый стружками, всталъ Акимъ Павловъ. Взглянувъ на эту неожиданную сцену, я отъ удивленія отскочилъ къ двери.

Въ это время старикъ Акимъ всталъ изъ гроба и молча прошелъ мимо меня, вонъ изъ часовни; я послѣдовалъ за нимъ, и когда Акимъ Павловъ умылся, то взошелъ ко мнѣ въ боковушку, вышилъ святой воды и, поклонясь, поздравилъ меня съ добрымъ утромъ, присовокупивъ къ этому слѣдующее:

— Вашей милости, я думаю, дико показалось, что я всталъ изъ гроба? Этому уже пошолъ пятый годъ, какъ я и на ночной покой и на дневной отдыхъ ухожу въ часовню и ложусь спать въ свой будущій вѣчный домъ. Видите ли, сударь, года мои ужъ подъ гору идутъ и смерть такъ и поглядываетъ изъ за спины, то чтобы сохраниться отъ грѣха, я и удаляюсь отъ людскаго соблазна, все въ домикъ Божій, въ свою часовенку. Въ гробъ же ложусь, для того чтобы заранѣе свыкнуться съ хороминою, въ которой придется передать мое грѣшное тѣло и кости истлѣнію.

Хотя Акиму Павлову было и за восемьдесятъ лѣтъ, но онъ еще такъ былъ свѣжъ и бодръ, что я высказалъ ему мое заключеніе.

— Нѣтъ сударь, напрасно мните, что я рано смерти жду, вотъ уже пятый годъ пошолъ, какъ черный воронъ каждую зорю утреннюю и вечернюю садится на мои хоромы и кричитъ, каждогодно добавляя разы, и эвто лѣто прокрикиваетъ уже по пяти разковъ; значитъ на ту осень онъ завопитъ по шести — и въ то время и конецъ мой. Тутъ Акимъ Павловъ перекрестился и докончилъ свое заключеніе о близости смерти тѣмъ, что и покойному отцу его тотъ же воронъ шестымъ крикомъ напророчилъ смерть, — а что кричать ворону по шести разъ слѣдуетъ на будущій годъ, объ этомъ предсказалъ Акиму дядя Вась.

Покончивши чай и плотно позавтракавъ, я распрощался съ

хозяиномъ, лодка моя поплыла вверхъ по Ижмѣ, а я съ толмачемъ и Петрушкою пошолъ горою черезъ лѣсъ въ деревню Усть-Ухту, провожаемый дядею Вась.

Дядя Вась, о которомъ очень много загадочности насказалъ Акимъ Павловъ, былъ по наружности довольно замѣчательный. Его высокій ростъ, какое то дикое выраженіе лица, упрямая поступь и огонь быстрыхъ карихъ глазъ, выглядывавшихъ изъ подъ сѣдыхъ навислыхъ бровей, придавали ему что-то дѣйствительно особенное. Мой Петрушка долго оглядывалъ Вася и спереди и сзади,—а потомъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— Баринъ, а баринъ — глаза у дяди Вась, ровно у колдуна, про какихъ наслышался я на Мезени. Да ладно, — бояться его нечего, ни мнѣ, ни вашей милости; мнѣ въ деревнѣ Сюзь-ю, дала старуха Зырянка такой корешокъ, что имъ избавишся хоть отъ лютаго бѣса, а не только отъ эвтаго дяди.

Мы стали входить въ березнякъ. Испуганный рябъ залеталъ съ вѣтви на вѣтвь, хворостъ и сухой листъ зашумѣлъ подъ бахилами нашего вожатаго и лай собакъ промышленниковъ, убѣждалъ, что мы подаемся въ глубь лѣса; а вотъ и поляна, и надъ нею показалось во всемъ блескѣ осеннее солнце. Это былъ полдень.

Б. Яновскій.